

FATA VIAM INVENIENT ИЛИ СУДЬБА УКАЗЫВАЕТ НАМ ПУТЬ (НА ПРИМЕРЕ ПУТЕВЫХ ОЧЕРКОВ «ФРЕГАТ «ПАЛЛАДА» И. ГОНЧАРОВА И « ВЕТКА САКУРЫ» В. ОВЧИННИКОВА)

Рассмотрен жанр «летучих наблюдений и заметок...» в реалистической манере, на примере двух произведений разных столетий делается вывод о философской многозначности традиций, поведения, характера, политической и государственной системы Японии.

Ключевые слова: Дальний Восток, Япония, японский характер и традиции, психология нации, журналисты-путешественники.

С момента установления российско-японские отношения прошли весьма непростой исторический путь, в их развитии были разные страницы. В Японии говорят: «Изучай старое, чтобы найти новое». Симодский трактат – первый договор, заключенный между Японией и Россией, – был подписан в результате переговоров, основанных на духе обоюдной мудрости и дружбы. После в истории японо-российских отношений были как радостные, так и печальные страницы. Однако нельзя забывать, что в любую эпоху в обеих странах были люди, которые стремились к развитию двусторонних отношений на основе духа мудрости и дружбы. [1, с. 2]

В 1852 г. Российское правительство решилось сделать попытку «открытия сношения с Японией». Великий князь Константин Николаевич поддержал прежнее предложение Е.В. Путятин принять меры к укреплению позиций России на Тихом океане. Япония на Дальнем Востоке – сосед для России серьезный, плохо, если сроки будут упущены и сосед этот делается враждебным. Целью адмирала Путятин было наладить торговые и дипломатические отношения. О том, кто возглавит дипломатическую экспедицию, вопрос не стоял. Японский историк Токутоми Сохо отмечал, что русский посол уважал древние законы Японии. Со своей стороны Путятин придавал большое значение Симодскому трактату.

Адмирал Е.В. Путятин – А.С. Норову. 20 сентября (2 октября) 1853 г., Нагасакский рейд: «Описание пути и наших действий я предоставляю сделать Ивану Александровичу Гончарову, который берется представить их в главных чертах. При этом я не могу умолчать, как много я обязан вам за рекомендацию и содействие в назначении г. Гончарова в состав нашей экспедиции. <...> Имея дарования живо пред-

ставлять предметы, г. Гончаров в состоянии будет придать им занимательный и яркий колорит, тем может возбудить симпатию к публике соседственной нам стране, в которой вскоре должен произойти сильный переворот» [2, с. 89]

Привлечение писателя к участию в морской экспедиции было делом новым для России. Именно И. Гончаров станет первым, его опыт впоследствии будет одобрен, многие отечественные литераторы отправятся в путешествия по служебной надобности и напишут об этом, явно ориентируясь на книгу И. Гончарова.

Д. Писарев оценил путевые очерки И. Гончарова («Фрегат «Паллада») как «существенно важное приобретение для нашей литературы». Кстати, жанр своих «летучих наблюдений и заметок, сцен, пейзажей» Гончаров сам определил как «очерки».

Жанр путешествий в русской литературе имеет конкретный исток – «Хожение» игумена Даниила. «Хожением» Даниила, которому девятьсот лет, создан художественный канон, который использовался не только в древнерусской литературе, но и писателями Нового времени. Повествование разворачивается в соответствии с привычным течением времени в реальном географическом пространстве. Цель повествования – смысл описания путешествия. Это первое сохранившееся до наших дней произведение, посвященное путешествию. Со временем жанровый канон хождения разрушается и заменяется очерком.

Очерк, как правило, повествует в публицистической манере, он похож на философский трактат, а значит, в нем отразился социально-философский синтез, опирающийся на личные наблюдения автора. Часто очерк выступает в форме рассказа. Цель написания очерков у И. Гончарова – литературно-полемическая:

борьба с романтическим штампом в описании дальних стран, природы и быта.

Путевой очерк – один из старейших видов художественной публицистики – первоначально развивался в рассказах и литературе «бывалых людей». В очерке применяются различные средства художественной типизации, показ таких аспектов, как пейзаж, деталь, портрет героя, его речевая характеристика, факт, подробность, вымысел и домысел. Гончаровское описание собственного плавания на фрегате «Паллада» – является образцом художественных путевых очерков. И. Гончаров описал все процессы, происходящие в экспедиции максимально реалистично и приближенно к настоящим реалиям жизни, главным же итогом данного кругосветного путешествия является качественные изменения на мировой политической арене.

Писатель повествует неторопливо и обстоятельно, картины раскрывают полное и точное описание мелочей быта, местности и населения страны. И. Гончаров выступил не только в роли писателя, но и проявил себя как историк и географ, видимо сказавшись опыт цензорской деятельности, где приходилось прочитывать и оценивать не только литературные сочинения, но и рецензировать ряд журналов, одним из которых был «Вестник императорского Русского географического общества». «<...> Этот Гончаров – чиновник департамента внешней торговли, взятый Путятиным в качестве секретаря, но, вероятно, его роль будет историографическое описание экспедиции» [3, с. 122].

По проторенной литературной дороге в XIX веке, писатели-путешественники XX века пытались описать и понять Японию, ее обычаи, традиции и народ. Пример этому книга известного журналиста-международника, писателя – востоковеда XX века Всеволода Овчинникова «Ветка Сакуры», которая вышла в Токио в антологии «Три лучших книги, когда-либо написанные иностранцами о Японии». Ему удалось не просто описать народ этой страны, но и понять психологию нации, показать, что нет общих принятых стандартов, и то, что в одной стране кажется нормальным, для другой нации может показаться крайне странным и непонятным. Книги В. Овчинникова выделялись из написанных отечественными журналистами-путешественниками. Он стал основоположником нового направления в отечественной журнали-

стике, которое называлось «критика положительным примером».

Знакомство с Японией И. Гончаров начинает с тех впечатлений, которые у него возникли от увиденной местности данной страны. Автор показывает читателям физико-географические особенности местности, связанные с описанием природных ландшафтов, природы загадочной и непонятной Японии. Ввиду того, что Японские острова тянутся с севера на юг, совсем не распространяясь к западу и востоку, растительность Японии разнообразна. «<...> Хоть бы японцы допустили изучить свою страну, узнать ее естественные богатства: ведь в географии и статистике мест с оседлым населением земного шара почти только один пробел и остается – Япония. Странная, занимательная пока своей неизвестностью земля растянулась от 32 до 40 с лишком градусов широты, следовательно, с одной стороны южнее Мадеры. В ней господствует зной и морозы, растут пальма и сосна, персик и клюква. Там есть горы, равные нашим высочайшим горам, горящие пики, и в городах – мы знаем уже – родится лучшая медь в свете, но не знаем еще, нет ли там лучших алмазов, серебра, золота, топазов и, наконец, что дороже золота, лучшего каменного угля, этого самого дорогого минерала XIX столетия» [4, т. III. с.6,7]. Налаживание торговых отношений – это толчок к развитию не только самой Японии, но и отдаленного от Центральной части Дальнего Востока Российской империи.

Композиция книги – мозаика, сложенная из писем, написанных друзьям, которые те сохранили, судового журнала, дневниковых записей, исторических и этнографических справок.

И. Гончаров – И.Льховскому, 20 августа 1853 г. из Нагасаки. Неизданное письмо «Нагасаки, Япония. А ничего пока не было. Взяли да и приехали – пока только; хорошо если б приехали да взяли. Впрочем, с японцев взятки гладки. Вот они, с своими косичками, бритые, в юбках, без штанов, в мягких туфлях, приседающие, похожие на женщин до того, что до некоторой степени возбуждают фальшивую похоть к себе – а что в них толку? Они так и высматривают, чтоб мы убирались, откуда приехали. Мы сидим пока на фрегате: губернатор не смеет без спросу ни пустить нас на берег, ни принять, ни сам приехать, ни дать нам есть – обо всем послал спросить в столицу. Узнав, что у нас есть письмо к властям, он сносил: зачем же мы это

письмо привезли на четырех судах? О, бестия! Что-то будет!» [2, с. 88].. Фрегат «Паллада»

«Мы уже были предупреждены, что нас встретят здесь вопросами, и от того приготовились отвечать, как следует, со всею откровенностью. <...> Между прочим, после заявления нашего, что у нас есть письмо к губернатору, они спросили, отчего же мы одно письмо привезли на четырех судах? В этом ироническом вопросе проглядывала детская недоверчивость к нашему приходу и подозрительность насчет каких-нибудь враждебных замыслов с нашей стороны. Мы поспешили успокоить их и отвечали на все искренно и простодушно. И в это же время не могли воздержаться от улыбки, глядя на эти мягкие, гладкие, белые, изнеженные лица, лукавые и смысленные физиономии, на косички и на приседанья» [4, т. 3, с. 144].

Сопоставление письма с текстом «Фрегата «Паллады» показывает, что письмо является первоначальным источником.

Как пишет сам И. Гончаров: «<...> Я не был внутри Японии и не жил с японцами...» [4, т.3, с. 190], поэтому он описывает только то, что видит и свои впечатления. Такие пространственные доминанты как «страна», «город» и «дом» можно выделить в творчестве многих русских писателей XIX века. У каждого художника свое понимание «дома». Образ «дома» часто становится «визитной карточкой» его хозяина, раскрывает его характер, образ жизни, настроение, отношения с людьми, например, образ утраченного дома – один из основных мотивов в литературе: в «Фрегате «Паллада» показывается особая «домовитость» вестового Фаддеева, а корабль воспринимается как уютный и надежный дом.

По мере продвижения в глубь страны, перед автором открываются все новые и новые картины неизведанной Японии. Он (И. Гончаров) не забывает делиться с читателями личными впечатлениями, одним из которых является, – портретное описание внешности и одежды населения, часто, довольно, комическое. «<...> Все четверо полномочные были в широких мантиях из богатой, толстой, как лубок, шелковой с узорами материи, которая едва сжималась в складки; рукава у кисти были чрезвычайно широкие; спереди, от самого подбородка до пояса, висел из той же материи нагрудник; под мантией обыкновенный халат и юбка, конечно шелковые же. <...> У всех четырех полно-

мочных и у губернаторов тоже на голове наставлена была на маковку, вверх дном, маленькая, черная, с гранью, коронка, очень похожая формой на дамские рабочие корзиночки и, пожалуй, на кузовки, с которыми у нас бабы ходят за грибами. <...> Все бы еще ничего; но у третьего полномочного, у обоих губернаторов и еще у одного чиновника шелковые панталоны продолжались на аршин далее ног. Губернаторы едва шли, с трудом поднимая ноги» [4, т.3, с. 169, 170].

Так возникали представления о каждом из японских уполномоченных и переводчиках, появляющихся на корабле. «<...> Так их переводчик Садагора – который страх как походил на пожилую девушку с своей седой косой, недоставало только очков и чулка в руках – молчал, когда говорил Льюда, а когда Льюды не было, говорил Садагора, а молчал Нарабайоси и т. д.» [4, т.3, С.20]. Или: «<...> Красивых лиц я почти не видал, а оригинальных много, большая часть почти все» [4, т.3, с.30].

В. Овчинников, в отличие от И. Гончарова, прожив в Японии семь лет, по большей части рассказывает о японском характере и профессиях, о традициях опять же в контексте влияния традиций на характер нации. По сути, книга «Ветка сакуры» не про страну, а про японцев, в которой вы не встретите ни одной конкретной фамилии или имени. Нищих в Японии вы тоже не встретите. Это происходит от того, что японцы необыкновенно умеренны в своих запросах: пище, одежде и образе жизни. Они ценят вещи по их прочности и изяществу, стараются сделать все добросовестно. Точное повествование В. Овчинникова об образе жизни японцев спровоцировано на сравнение с образом жизни в России. Цель провокации такого сравнения – размышления читателей.

Описывая обычаи и нравы японцев, стоит упомянуть, что это касается простого народа, который неохотно перенимает чужеземные порядки и держится старины. Описание обычаев, манеры поведения и особенности быта, один из самых интересных моментов произведения «Фрегат Паллада» И. Гончарова. Русские проявили уважение к обычаям и традициям другого народа. Смешную сторону японских отношений составляет множество церемоний, сопровождающих самые простые случаи жизни. Комические сцены взаимного непонимания на обедах и приемах они вполне трезво объясняли лукавой спецификой гостеприимства. «<...>

Японцы одолели нас. Ездят каждый день раза по два, то с провизией, то с вопросами или с ответом. Уж этот мне крайний Восток: пока, кроме крайней скуки, толку нет!» [4, т.3, с.25]. Далее: «<...> Обычай сидеть на пятках происходит у них будто бы, как я читал где-то, оттого, что восточные народы считают неприличным показывать ноги, особенно перед высшими лицами. Не думаю: по крайней мере, сидя на наших стульях, они без церемонии выказывают голые ноги выше, нежели нужно, и нисколько этим не смущаются» [4, т.3, с.63].

И. Гончаров сталкивается с одной особенностью японского характера, которая определяет манеру поведения: строгая иерархия и подчинение не только старшим, но и по отношению к тем, кто выше по должности, где нижестоящие не имеют права совершить лишнего движения. Другими словами, писатель отобразил особенность японского характера, которая является основой для политической системы и государственного устройства. «<...> Японское правительство – как мы знали из книг и потом убедились, и при этом случае и впоследствии, сами, – требует безусловного исполнения предписанной меры, и, в случае неисполнения, зависело ли оно от исполнителя, или нет, последний остается в ответе. <...> Вскрывать себе брюхо – самый употребительный здесь способ умирать поневоле, по крайней мере, так было в прежние времена. Заупрямься, кто сделать это, правительство принимает этот труд на себя; но тогда виновный, кроме позора публичной казни, подвергается лишению имения, и это падает на его семейство» [4, т.3, с.9].

Строгая иерархия, подчинение высокопоставленным лицам заложено с рождения японцев. В свою очередь правительство Японии использует строгую иерархию как средство от проникновения контрабанды инородных мыслей и идей в свою страну. «<...> Полномочные сами не раз давали понять нам, что подарок этот выражает отношения Японии к России. Оно тем более замечательно, что подарок сделан, конечно, с согласия и даже по повелению правительства, без воли которого ни один японец, кто бы он ни был, ни принять, ни дать ничего не смеет. <...> Каков народ! Какова система ограждения от контрабанды всякого рода!» [4, т.3, с. 185].

Кастовое высокомерие и подавление личности – признаки развития человечества, кото-

рые встречаются во всех странах, и Россия не исключение. «<...> У них, кажется, в обычае казаться при старшем как можно глупее, и оттого тут было много лиц, глупых из почтения. Если губернатор и казался умнее прочих, так это, может быть, потому, что он был старше всех. А в Едо, верно, и он окажется глуп. Одно лицо забавнее другого» [4, т.3, с.61].

По ходу текста книги «Ветка Сакуры» В. Овчинникова всегда к месту дополнения: автор в конце или середине каждой главы дает цитаты из других источников на ту же тему, например: глава «108 ударов колокола», в которой говорится о новогодних японских традициях, заканчивается следующими выводами: «<...> Некоторые американцы или европейцы видят в Японии первую действительно американизированную или европеизированную страну Азии. Отмечая перемены, происходящие в Японии за последнее столетие, многие на Западе считают, что и сами японцы переменялись настолько, что стали похожими на американцев или европейцев, оставаясь японцами и азиатами лишь вследствие географической случайности. <...> Этот образ, однако, является иллюзией, отражением поверхностных явлений японской жизни. <...> Западное влияние изменило лицо Японии, но не проникло в души японцев. Ричард Халлоран (США). Япония, образ и действительность. 1969» [5, с. 244–245]. «<...> Скупая на Западе технологические процессы и современные удобства, Япония решительно отказывалась допустить, чтобы эти приобретения вытеснили, подменили собой прочную, неизменную сердцевину японской традиции. Уильям Форбис (США). Япония сегодня 1975» [5, с. 246].

Путевые очерки И. Гончарова существенно отличаются как от «Писем русского путешественника» Н. Карамзина (сентиментализм), так и от описаний А. Марлинского (романтизм) своим художественным реализмом в описании природы и быта. И. Лъховскому, отправляющемуся в путешествие И. Гончаров советовал писать свои заметки в реалистической манере: «<...> настоящий взгляд, приправленный юмором, умным и умеренным поклонением красоте, и тонкая и оригинальная наблюдательность дадут новый колорит Вашим запискам. Но давайте полную свободу шутке, простор болтовне даже в серьезных предметах и ради бога избегайте определенных или важничанья» [6, т.8, с. 312]. «Паллада»

заложила традицию путешествий в литературе русского реализма.

Географические реалии, присутствующие в гончаровском творчестве, служат, таким образом, не столько указанием на место действия, не только географические вехи кругосветного пути – это этапы осмысления того, чем живет современный И. Гончарову мир, где путешествие помогает автору сформулировать философские выводы. Ю. Лощин пишет: «<...> Гончаровское «путешествие» для русской литературы XIX века не только эталон реалистической повествовательной прозы, но и единственная в своем роде хроника политико-экономических процессов, меняющих облик всей планеты» [3, с. 116].

Н. Добролюбов назвал талант И. Гончарова «объективным талантом», восхищался наблюдательностью и остроумием «увлекательного рассказчика». Реальность, которая открывалась Гончарову в путешествии, была понята им по сути, открывалась по смыслу. Автор выступил не только в роли писателя, географа, историка, но и проявил себя как хороший политик. Для русской литературы XIX века это един-

ственная в своем роде хроника политико-экономических процессов и эталон реалистической повествовательной прозы.

Таким образом, сравнивая повествование об одной стране И. Гончарова и В. Овчинникова, можно сказать, что Япония прошлого и настоящего свято хранит свои традиции, обычаи и, несмотря на кардинальные внешние перемены, осталась верной заветам своих предков.

Система взаимоотношений государства и народа, описанная И. Гончаровым, прослеживается и в описании корпоративной этики современных промышленных компаний у В. Овчинникова. Современные корпорации и новые архитектурные решения – все это и многое другое Япония заимствовала из внешнего мира, но все эти новшества сочетаются с японской культурой и традициями. Японцы обладают способностью легко и быстро перенимать и заимствовать. Япония, принимая новые веяния внешнего мира, сохраняет свою культурную неповторимость и индивидуальность, уникальную жизненную философию, которые складывались не одно столетие. В последние годы японцы стараются догнать европейцев, а в чем-то уже и перегнать.

17.09.2013

Список литературы:

1. Речь Иссыи Номура, Чрезвычайного и Полномочного Посла Японии в России // Родина. – 2005. – №10.
2. Утевский Л.С. Жизнь Гончарова. М., АГРАФ, 2000.
3. Лощин М.Ю. Гончаров. – М., Мол. гвардия, 2004.
4. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Собр. соч.: В 6 т. – М., Книгоvek, 2010.
5. Овчинников В.В. Сакура и дуб: Ветка сакуры; Корни дуба – М., Дрофа – плюс, 2006.
6. Гончаров И.А. Избранные письма. Собр. соч.: В 8 т. – М., государственное издательство художественной литературы, 1955.

Сведения об авторе:

Грузан Ирина Евгеньевна, заведующий библиотекой МОБУДОД «Дворец творчества детей и молодежи», 460000, г. Оренбург, пер. Хлебный, д. 2, e-mail: irina56-oren@mail.ru

Gruzan I.E.,

Bashkir State University (Birk's branch), e-mail: irina56-oren@mail.ru

Fata viam invenient or Fortune shows us the way (in examples from travelling notes «Frigate «Pallada» I. Goncharov and « Branch of cherry tree» V. Ovchinnicov)

Summary. In the case of two authors and two pieces of different centuries, finds ambiguity of philosophical traditions, behavior, and character, political and state system of the Japanese nation.

Key words: Far East, Japan, the Japanese character and tradition, the psychology of the nation, and journalists – travelers.

Bibliography

1. Speech of Issay Nomur, Japanese Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary in Russia // Rodina. – 2005. – №10.
2. Utevskiy L.S. Goncharov's life. M., AGRAF, 2000.
3. Loshitz M.Y. Goncharov. M.: Molodaya gvardia, 2004.
4. Goncharov I.A. Frigate «Pallada». Collected works in 6 vol. – M., Knigovek, 2010.
5. Utevskiy L.S. Goncharov's life. M., 2000
6. Ovchinnikov V.V. Cherry tree and oak: Branch of Cherry tree ; Background of oak – M., Drofa-plus, 2006.
6. Goncharov I.A. Selected correspondence. Collected works in 6 vol. – M., State publishing of belles-lettres, 1955.